

ДОВЕРИЕ

ПЛЕННИЦА МИЛЛИАРДЕРА

SUNNAT MUSAYEV

Sunnat Musayev

Доверие

<https://litres.ru/74496179>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Он предложил выбор: смерть отца в тюрьме или брак».

Я подписала контракт с врагом. Эмир забрал меня в особняк на Босфоре, чтобы отомстить.

Но он не знает: шрам на его руке — улика в деле об убийстве ее матери.

Он думает, что ломает меня. Я знаю, что ищу правду. Но что будет, когда в особняк придет настоящий убийца?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Sunnat Musayev

Доверие

Глава

ДОВЕРИЕ

Пленница миллиардера
Sunnat Musayev

Глава 1. Пепел на стекле

Стамбул плакал серым, бесконечным дождем, размывающим границы между небом и тяжелыми свинцовыми водами Босфора. Капли яростно барабанили по узким стеклам фамильного особняка семьи Сезер, превращая некогда величественный вид на пролив в размытое, меланхоличное полотно. Мира стояла у высокого арочного окна в гостиной, обхватив плечи зябко дрожащими руками. На ней было простое черное платье, казавшееся траурным по самой жизни, которая рухнула всего за одну кошмарную ночь.

Еще вчера этот дом утопал в ароматах свежесваренного кофе, звяканье антикварного фарфора и беззаботном смехе отца, крупного стамбульского экспортера, чье слово на бирже значило больше, чем закон. Сегодня здесь царило

абсолютное, звенящее молчание, нарушаемое лишь гулким эхом капель, просачивающихся сквозь прохудившуюся крышу зимнего сада, и глухими шагами единственной оставшейся экономки, фаталистично упаковывавшей оставшуюся утварь в картонные коробки.

Арест отца прогремел гром среди ясного неба. Обвинения в крупном мошенничестве, отмывании денег и намеренном банкротстве партнеров повисли над семьей тяжелыми гирями. Счета были мгновенно заморожены судом, имущество описано, а вчерашние верные друзья и деловые партнеры отца растворились в утренней дымке, заблокировав номера и захлопнув двери перед лицом отчаявшейся девушки. Мира осталась совсем одна лицом к лицу с безжалужной юридической машиной Турции, где за каждым процессуальным решением угадывались чьи-то чужие, влиятельные и невидимые нити.

Тяжелая дверь адвокатского бюро на Истикляль встретила Миру запахом дорогого табака, старой кожи и холодной безысходности. За массивным дубовым столом сидел господин Ариф — семейный поверенный, поседевший за эту неделю на целое десятилетие. Его глаза избегали прямого взгляда девушки, а пальцы нервно перебирали стопку обвинительных заключений, каждое из которых пахло тюремным сыростью и долгими годами за решеткой.

— Мира, девочка моя, ты должна понимать всю серьезность положения, — голос адвоката звучал глухо, словно из-

под толщи воды. — Улики против твоего отца сфабрикованы искусно, но юридически безупречно. Судья находится под колоссальным давлением. Ему светит не просто срок, а изоляция в закрытой тюрьме строгого режима. В его возрасте и с его больным сердцем это смертный приговор. Официальные апелляции будут рассматриваться месяцами. У нас нет этого времени.

— Должен же быть выход, господин Ариф! — голос Миры сорвался на крик, в котором смешались отчаяние и ярость. — Продать остатки недвижимости, заложить то, что не успели описать! Я отдам все до последней ниры, лишь бы вытащить его оттуда!

Ариф тяжело вздохнул, медленно снял очки и потер переносицу:

— Имущество уже под арестом. Любая попытка отчуждения будет расценена как соучастие. Спасти твоего отца может только один человек. Человек, чье влияние простирается далеко за пределы судебной системы. Человек, который держит в кулаке все портовые терминалы и финансовые потоки Мраморного моря.

— Кто он? Имя! — Мира подалась вперед, вцепившись пальцами в полированную поверхность стола так побелели костяшки.

Дверь кабинета бесшумно отворилась, впуская в полутемное помещение густой шлейф дорогого парфюма с нотами горького миндаля и мокрого дерева. Из тени коридора вы-

шел мужчина. Его появление было настолько бесшумным и властным, что воздух в комнате словно сгустился. Строгий угольно-черный костюм сидел на нем безупречно, подчеркивая атлетичное сложение, а во взгляде темно-серых глаз читалась ледяная, непреклонная расчетливость. Эмир Йылмаз. Имя, от которого содрогались финансовые круги Стамбула, и фамилия, которую отец Миры всегда произносил с нескрываемой тревогой.

Эмир неторопливо приблизился к столу, не устаивая девушку даже дежурным кивком. Его движение было исполнено хищной грации крупного зверя, загнавшего добычу в угол.

— Твой отец разрушил жизни многих людей, Мира, — произнес Эмир низким, бархатным баритоном, от которого по спине пробежали мурашки. — Его финансовые махинации пятнадцать лет назад уничтожили не только бизнес моих компаньонов, но и кое-что гораздо более ценное. Историю нельзя переписать, но за ошибки нужно платить.

Мира встала, выпрямившись во весь рост, пытаясь скрыть дрожь в коленях, и с вызовом посмотрела на мужчину:

— Если вы пришли злорадствовать, то ошиблись адресом. Я не буду умолять человека, у которого на руках кровь наших надежд.

Эмир горько и холодно усмехнулся, в его глазах блеснул опасный огонек. Он достал из нагрудного кармана безупречно сложенный лист бумаги с печатью и положил его перед

Мирой.

— Никакого злорадства, исключительно деловой расчет. Я предлагаю сделку. Твой отец выходит на свободу уже завтра утром, обвинения с него снимаются, и ему обеспечивается безопасный выезд в Швейцарию для лечения. Взамен ты становишься моей законной женой. Контракт сроком на три года. Никаких иллюзий, никаких прав на мое имущество, полное подчинение правилам моего дома и публичный статус идеальной пары перед лицом стамбульской прессы. Либо кольцо на твоем пальце, либо тюремные нары для твоего отца. Выбор за тобой, маленькая госпожа Сезер. У тебя есть ровно минута.

Мира смотрела на документ, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Весь ее привычный мир рушился прямо сейчас, превращаясь в прах. За окном раскатисто ударил гром, освещив вспышкой молнии лицо Эмира. В этот самый момент, когда мужчина протянул руку, чтобы поправить манжету рубашки, Мира случайно заметила его оголенное запястье.

Время словно остановилось. На смуглой коже Эмира, прямо над жилкой, отчетливо выделялся старый, белый, крестообразный шрам. Точно такой же шрам был у незнакомца со старой пожелтевшей фотографии из семейного альбома ее матери — фотографии, сделанной ровно в тот день, когда при загадочных обстоятельствах погибла женщина, подарившая ей жизнь. Сердце Миры пропустило удар, а в голове зазвучал набат: это не просто шантаж. Это личная вендета,

корни которой уходят глубоко в темное прошлое, о котором отец хранил молчание всю ее жизнь.

* * *

Капли дождя продолжали монотонно и безжалостно барабанить по панорамным окнам адвокатского бюро, словно отсчитывая секунды до момента, когда Мира окончательно потеряет остатки своей прошлой, беззаботной жизни. Ее взгляд был прикован к крестообразному шраму на запястье Эмира Йылмаза. Этот тонкий, побелевший рубец на смуглой коже обжигал сильнее раскаленного железа. Память мгновенно вытащила из дальних уголков сознания пожелтевшую от времени фотографию из потайного ящика материнского комода. На том снимке, сделанном за несколько месяцев до страшной автокатастрофы, унесшей жизнь матери Миры, был запечатлен молодой человек с точно такой же отметкой на руке. Тогда отец утверждал, что это случайный попутчик, турист, ставший свидетелем дорожного инцидента. Но сейчас, глядя в холодные, непроницаемые глаза Эмира, Мира поняла: случайности в этой паутине лжи не было. Это была многолетняя, тщательно спланированная месть.

— Время истекло, Мира, — низкий, обволакивающий голос Эмира вернул ее в мрачную реальность душевного кабинета. Его пальцы легли на край договора, подталкивая документ ближе к ней. В этом жесте не было ни грамма спешки — хищник знал, что жертва уже загнана в угол и никуда не денется. — Твой отец сидит в сырой камере предварительно-

го заключения. Утром у него случился сердечный приступ, о котором тюремный врач благоразумно предпочел умолчать в официальном отчете. Еще сутки — и спасать будет некого. Твоя гордость стоит его жизни?

Мира судорожно втянула воздух, чувствуя, как ком в горле мешает сделать полноценный вдох. Внутри нее шла жестокая борьба: с одной стороны бунтовала уязвленная гордость и интуиция, кричащая об опасности связи с этим опасным человеком; с другой — образ больного, сломленного отца, единственного близкого человека, оставшегося на этом свете. Рука девушки дрожала, когда она протянула пальцы к лежащей на столе перьевой ручке с золотым пером. Металл казался ледяным.

— Я подпишу, — слова дались с невероятным трудом, превратившись в хриплый шепот. — Но запомни, Эмир Йылмаз: ты получаешь послушную куклу для выхода в свет, но ты никогда не получишь меня целиком. Моя душа останется свободной, даже если мое тело станет твоим заложником.

Эмир едва заметно усмехнулся, в уголках его губ мелькнула тень презрительной, но вместе с тем заинтригованной улыбки.

— Свободная душа — это роскошь, которую могут позволить себе только те, у кого нет долгов, моя дорогая будущая жена, — произнес он, наблюдая за тем, как кончик пера выводит на бумаге изящную, но уже чужую фамилию. — Доб-

ро пожаловать в семью Йылмаз. Правила нашего союза ты узнаешь в доме. А пока господин Ариф подготовит нотавериально заверенные копии для прокуратуры. Завтра утром твой отец вернется в свой пустой особняк, чтобы собраться в дорогу. А ты поедешь со мной.

Выход из адвокатского бюро на мокрые улицы вечернего Стамбула походил на погружение в ледяную воду. Воздух падал дождливой свежестью и выхлопными газами застрывших в пробках автомобилей. У тротуара нас ждал массивный черный бронированный внедорожник с тонированными стеклами. Молчаливый водитель в строгом костюме почтительно распахнул дверь, но Эмир знаком приказал Мире сесть первой, сам устроившись рядом.

Дорога до особняка на берегу Босфора тянулась бесконечной чередой огней фар, отражающихся в мокром асфальте. В салоне автомобиля царила давящая, осязаемая тишина. Ни один из них не произнес ни слова. Мира прижалась лбом к прохладному стеклу, глядя на проплывающие мимо силуэты мечетей и старинных особняков-яты, окутанных густой ночной дымкой. Она чувствовала себя не невестой, направляющейся в свой новый дом, а военнопленным, которого везут в цитадель неприятеля. Внутри нее зрело жгучее желание раскопать правду: как именно ее отец связан с гибелью матери Эмира? Какую роль во всей этой истории сыграл дядя Эмира, ставший фактическим соправителем холдинга? И главное — сможет ли она пережить этот брак, не потеряв рассу-

док в паутине чужих секретов?

Когда тяжелые кованые ворота фамильного поместья Йылмаз со скрипом отворились, пропуская машину внутрь территории, Мира ощутила, как по спине пробежал мороз. Особняк возвышался на самом берегу темной, беспокойной воды, похожий на мрачный средневековый замок, ошетилившийся высокими стенами против всего мира. Свет горел лишь в нескольких окнах нижнего этажа, подчеркивая монументальность и одиночество этого архитектурного монстра.

Машина остановилась у парадного крыльца, вымощенного серым гранитом. Эмир вышел первым, обошел автомобиль и сам открыл дверцу для Миры, подавая ей руку. Его ладонь была горячей, но хватка — железной, не допускающей и мысли о сопротивлении.

— Мы приехали, Мира, — тихо произнес он, наклонившись к ее уху так, что его дыхание коснулось ее шеи, заставив кожу покрыться мурашками. — С этого момента твоя старая жизнь официально окончена. Запомни главное правило этого дома: в этих стенах нет секретов друг от друга, кроме тех, что охраняю я сам. Попытаешься вести свою игру — и твой отец окажется в тюрьме быстрее, чем успеет доехать до швейцарской границы.

Мира гордо вздернула подбородок, глядя прямо в его темные, бездонные глаза, в которых отражались огги уличных фонарей. Страх отступил, уступая место холодной, злой решимости.

— Пугаешь меня, Эмир? — ее голос прозвучал неожиданно твердо и звонко в ночной тишине. — Напрасно. Человеку, у которого отобрали все, больше нечего бояться.

Эмир ничего не ответил, лишь пристально посмотрел на нее долгим, оценивающим взглядом, в котором на секунду промелькнуло искреннее уважение к ее дерзости. Он резко развернулся и повел ее вверх по широким мраморным ступеням навстречу тяжелым дубовым дверям, за которыми скрывалось их общее, полное темных тайн будущее.

В просторном холле особняка, освещенном массивной хрустальной люстрой, их уже ждала пожилая экономка в строгом сером платье и молодой человек атлетичного телосложения с холодными глазами профессионального телохранителя.

— Госпожа Фатма, покажите молодой госпоже ее комнату на третьем этаже, — отдал приказ Эмир, не снимая пальто. — И проследите, чтобы ее личные вещи были доставлены в течение часа. У меня совещание в кабинете, меня не беспокоить.

Эмир растворился в коридоре левого крыла, а Мира осталась стоять посреди величественного холла, ощущая себя чужеродным элементом в этом холодном царстве мрамора и роскоши. Госпожа Фатма сделала сдержанный, почтительный поклон, но в ее взгляде не было ни тепла, ни радости.

— Прошу за мной, госпожа, — бесцветным голосом произнесла экономка, разворачиваясь к парадной лестнице.

Поднимаясь по ступеням в свою новую тюрьму, Мира бросила последний взгляд на темное окно, за которым шумел равнодушный Босфор. Она еще не знала, что покои на третьем этаже станут не просто местом ее уединения, а эпицентром опасной игры, где каждый неверный шаг может стоить жизни. Завтра начнется новая реальность, но сегодняшняя ночь принадлежала теням прошлого, которые уже начали стучать в закрытые двери.

* * *

Тяжелые шаги экономки госпожи Фатьмы гулко разносились по бесконечным ковровым дорожкам второго этажа, устланным бордовым бархатом с выцветшими золотыми вензелями. Мира шла следом, механически переставляя ноги, словно марионетка, чьи нити только что перерезали и вновь грубо связали в узел. Пространство особняка давило своей монументальной старомодностью: портреты суровых предков рода Йылмаз в массивных позолоченных рамах следовали за ней каждым своим мазком, создавая липкое ощущение постоянной слежки. Казалось, даже воздух здесь был пропитан запахом столетней пыли, сухих хризантем и скрытой угрозы.

— Мы пришли, госпожа Мира, — остановившись у массивной двустворчатой двери темного дерева в самом конце длинного коридора третьего этажа, произнесла Фатьма. Ее голос звучал сухо, без единой нотки человеческого тепла или подобострастия, положенного новоиспеченной хозяйке до-

ма. — Это личные покои господина Эмира, а ваши комнаты находятся за этой внутренней дверью. Самовольно покидать пределы третьего этажа после девяти вечера не разрешено правилами дома. Ужин вам подадут в комнату ровно в восемь.

Фатма повернула тяжелый кованый ключ в замочной скважине и отступила на шаг назад, позволяя девушке войти. Дверь со скрипом отворилась, открывая взору просторное помещение, оформленное в строгих серо-стальных тонах. Огромная кровать с балдахином из тяжелой черной парчи занимала центральную часть комнаты, уныло напоминая катафалк. Окна выходили на темную, бушующую гладь Босфора, чьи волны с глухим стоном бились о каменный фундамент утеса. На туалетном столике из красного дерева уже стоял одинокий дорожный чемодан Миры — единственный островок ее прошлой жизни в этом враждебном бастионе.

— Подождите, Фатма, — Мира резко обернулась, перехватив экономку за запястье, пока та не успела закрыть дверь. — Скажите мне... то, что произошло двадцать лет назад... гибель матери господина Эмира и авария... неужели в особняке никто об этом не говорит? Почему все молчат?

Лицо экономки мгновенно окаменело, превратившись в безжизненную маску. Она медленно, но непреклонно высвободила свою руку из пальцев Миры, ее глаза на секунду расширились от едва сдерживаемого суеверного ужаса.

— В этом доме, госпожа, есть золотое правило, о котором

вам лучше помнить каждую секунду вашего здесь пребывания, — прошептала Фатьма, наклонившись ближе, так что запах дешевого лаврового мыла смешался с ароматом сырости. — Мертвые покоятся на кладбище в Зынджиркую, а живые обслуживают тех, кто унаследовал их грехи. Вы подписали контракт с дьяволом, девочка моя. Теперь молитесь, чтобы ваш отец успел уехать в свою Швейцарию раньше, чем проснется то, что Эмир-бей запер в подвалах своей памяти.

Не дожидаясь ответа, экономка захлопнула дверь. Щелкнул тяжелый засов — Мира оказалась заперта в ловушке, которую выбрала сама во имя спасения отца.

Оставшись в тишине, разрезаемой лишь воем ветра за окном, Мира медленно подошла к чемодану и щелкнула застежками. Руки дрожали мелкой, неукротимой дрожью. Она достала из кармана пальто маленький блокнот и ручку, собираясь записать все детали этого безумного дня, но вместо строчек на бумаге сами собой возникли обрывки мыслей. За чем Эмиру понадобился именно фиктивный брак? Если он винит семью Сезеров в крахе своего прошлого и гибели матери, почему не уничтожил их отца юридически до конца, а дал лазейку? Почему именно она, Мира, должна находиться в эпицентре этой ненависти? Ответ ускользал, прячась за барьером холодной логики и скрытой ярости мужчины со шрамом на руке.

Внезапно в тишине комнаты раздался резкий, механический звук. Мира вздрогнула и обернулась. В углу комнаты,

рядом с массивным книжным шкафом, заполненным томами по юриспруденции и международной экономике, в стене была вмонтирована небольшая металлическая панель внутренней связи — интерком, которой пользовалась прислуга. Лампочка на ней мигала тревожным красным светом. Кто-то вызывал ее из нижних кабинетов.

Мира с опаской подошла к панели и нажала тумблер связи, чувствуя, как пересохло в горле.

— Слушаю, — произнесла она стальным, но выдающим внутреннее напряжение голосом.

Из динамика раздался ровный, лишенный каких-либо эмоций голос Эмира:

— Я поднимаюсь наверх, Мира. Переоденься в то платье, что лежит в гардеробной на вешалке. Через двадцать минут мы ужинаем вместе. И советую тебе сменить этот вызывающий тон на более подобающий статус жены главы холдинга Йылмаз. Нас ждет долгая ночь знакомства с правилами выживания.

Связь оборвалась коротким зуммером. Мира яростно ударила ладонью по металлическому корпусу интеркома, чувствуя, как закипает чистая, неразбавленная злость. Послушная кукла? Жена для публичных выходов? Черта с два. Если Эмир Йылмаз думает, что сломал ее волю одной угрозой тюрьмы, он глубоко заблуждается. Она найдет способ вырвать у него правду о той аварии, раскопать тайны прошлого и уничтожить его империю изнутри, даже если для этого

придется играть по его жестоким правилам до самого конца.

Подойдя к гардеробной, Мира резко распахнула створку. На плечиках висело роскошное, усыпанное пайетками платье глубокого изумрудного цвета, резко контрастирующее с ее траурным настроением. Рядом лежали черные шелковые чулки и изящные туфли на шпильке. Нащупав в кармане своего старого платья маленький металлический ключ от отцовского сейфа, который она успела захватить в день обыска, Мира спрятала его под подкладку сумочки. Игра началась, и ставки в ней были выше человеческой жизни. В этот самый момент в коридоре раздался тяжелый, размеренный стук шагов Эмира, направляющегося прямо к ее дверям.

* * *

Тяжелый, размеренный стук шагов Эмира за дверью приближался с неумолимостью маятника старинных напольных часов. Мира стояла перед открытым гардеробом, зажав в пальцах прохладную ткань изумрудного платья. Внутри нее бушевала буря из страха, брезгливости и лихорадочно созревающих планов сопротивления. Одеваться так, как он приказал, подчиняться его прихотям казалось унижительным, но здравый смысл нашептывал: сейчас каждое проявление открытого бунта — это подарок врагу. Она должна надеть эту маску покорности, чтобы получить доступ к информации, спрятанной в недрах этого мрачного особняка.

Быстрыми, но уверенными движениями Мира сбросила черное траурное платье и облачилась в роскошный изумруд-

ный шелк. Ткань идеально облегла фигуру, подчеркивая хрупкость плеч и гордую осанку. Отражение в зеркале показало незнакомку: бледное лицо с лихорадочно блестящими глазами, аккуратно уложенные темные волосы и ни на-мека на ту девочку, которая еще неделю назад жила в отцовском особняке под защитой иллюзорного благополучия. Обув туфли на высокой шпильке, она сделала несколько шагов по паркету, привыкая к новому статусу светской заложницы.

В дверь тихо, но властно постучали. Не дожидаясь приглашения, замок щелкнул, и в комнату вошел Эмир. Он уже сменил строгий дневной пиджак на черную рубашку с расстегнутыми верхними пуговицами, что придавало его образу опасную, хищную привлекательность. Его темно-серые глаза скользнули по фигуре Миры, оценивая результат. На секунду в глубине его взгляд мелькнула искра подлинного восхищения, тут же скрытая за привычной маской ледяного равнодушия.

— Платье тебе к лицу, — произнес Эмир низким, бархатным голосом, останавливаясь в шаге от нее. От него веяло дорогим парфюмом, смешанным с ароматом крепкого виски. — Изумруд отлично подчеркивает цвет твоих глаз, когда в них горит ненависть. Не бойся, я не собираюсь нападать на тебя в первый же вечер. У нас запланирован ужин, на котором мы должны обсудить детали нашего сосуществования.

— Ты называешь это браком, а я — пленением, Эмир,

— Мира не отступила ни на шаг, поднимая подбородок и глядя ему прямо в глаза. — Называй вещи своими именами. Зачем тебе этот спектакль? Зачем тащить меня в этот склеп на берегу Босфора, если ты презираешь мою семью и жаждешь мести?

Эмир медленно сократил дистанцию между ними настолько, что Мира физически ощутила жар его тела. Он протянул руку и кончиками пальцев легко, едва касаясь, провел по ее щеке сверху вниз, останавливаясь на подбородке. Его прикосновение обжигало, вызывая у девушки дрожь, которую она старательно пыталась скрыть.

— Мсть — это блюдо, которое подают холодным, моя дорогая жена, — тихо шепнул он ей на ухо, и от его интонаций по спине пробежали мурашки. — Но иногда чтобы уничтожить врага, нужно держать его не в подземелье, а на самом видном месте, у всех на глазах. Твой отец думал, что может играть чужими жизнями ради набивания собственных карманов. Теперь ты расплачиваешься за его грехи. И поверь, этот ужин — лишь первая репетиция нашей долгой и счастливой семейной жизни для стамбульской прессы. Идем.

Он взял ее за руку, и его пальцы сомкнулись вокруг ее запястья железным кольцом, не оставляя шанса на побег. Они вышли из покоев третьего этажа и спустились по парадной лестнице в просторную столовую, где на длинном дубовом столе уже мерцали свечи, отражаясь в серебряных приборах и хрустальных бокалах.

Столовая утопала в полумраке. За массивным столом, кроме них двоих, больше никого не было, но ощущение чужого присутствия не покидало Миру ни на секунду. В углах комнаты безмолвными тенями застыли двое охранников. Эмир галантно, но властно отодвинул для нее тяжелый стул, приглашая занять место во главе стола по левую руку от него.

Поданные блюда — изысканные деликатесы турецкой и европейской кухни — казались Мире безвкусными, словно опилки. Каждый глоток воды давался с трудом. Эмир ел неторопливо, изредка бросая на жену изучающие взгляды, но хранил молчание, наслаждаясь давящей атмосферой неопределенности. Он словно испытывал ее нервы на прочность, проверяя, когда же треснет эта хрупкая броня гордости.

— Завтра утром придут портные и стилисты, — прервал тишину Эмир, откладывая серебряную вилку. — Через неделю состоится благотворительный вечер фонда Йылмазов. Это твой первый официальный выход в свет в новом статусе. Надень то кольцо из белого золота, что лежит в шкапулке на твоём туалетном столике. Оно принадлежало моей матери.

При упоминании матери Эмира Мира резко подняла голову. В ее глазах вспыхнул опасный огонек, и она больше не смогла сдерживать накопившуюся внутри ярость.

— Твоя мать... ты постоянно говоришь о ней, как о жертве махинаций моего отца, — голос Миры зазвенел в пустой сто-

ловой, отражаясь от высоких каменных стен. — Но ты никогда не рассказываешь всей правды. Что на самом деле произошло двадцать лет назад на дороге у Сарырьера? Почему твой дядя Тахир так стремится контролировать холдинг, и почему в день аварии рядом с машиной моей семьи видели именно его машину?

Лицо Эмира мгновенно изменилось. Вся напускная вальяжность испарилась в одно мгновение. Его зрачки сузились до точек, а рука сжалась в кулак с такой силой, что костяшки побелели. Воздух в комнате стал тяжелым, почти осязаемым от подступившей угрозы. Мужчина медленно поднялся из-за стола, обходя его и останавливаясь прямо за спиной Миры. Его холодное дыхание коснулось ее обнаженного плеча, а низкий, полный скрытой ярости голос прозвучал как смертный приговор:

— Откуда ты знаешь про Тахира? — прошептал Эмир, и в этом вопросе крылось столько ледяной опасности, что Мира на секунду пожалела о своем длинном языке.

* * *

Холодное дыхание Эмира обожгло обнаженное плечо Миры, заставив каждую клеточку ее тела натянуться, словно титана перед смертельным выстрелом. В просторной, погруженной в полумрак столовой повисла такая зловещая тишина, что было слышно, как за окнами тяжелые капли дождя разбиваются о каменные плиты террасы. Его пальцы легли на спинку ее стула с такой силой, что темное дерево жалоб-

но закрипело под напором стальной хватки. Мужчина возвышался над ней, как темное грозовое облако, готовое пролиться разрушительным штормом.

— Я задал тебе вопрос, Мира, — его голос звучал тихо, почти вкрадчиво, но в каждой ноте сквозила ледяная сталь, способная разрезать стекло. — Откуда тебе известно имя моего дяди Тахира в контексте той аварии? Об этом инциденте не упоминается ни в одном полицейском отчете двадцатилетней давности. Все архивы дорожной инспекции были подчищены. Так откуда в твоей прелестной головке появились эти опасные мысли?

Мира судорожно сглотнула подступивший к горлу ком, чувствуя, как сердце отчаянно бьется о ребра, грозя проломить грудную клетку. Страх парализовал на секунду, но гордость и упрямство взяли верх. Медленно, преодолевая внутреннее оцепенение, она повернула голову, встречаясь с ним взглядом. В ее темных глазах не было покорности — лишь вызов, чистый и беспощадный.

— В отличие от тебя, Эмир, я не доверяю слепой вере в чужие мифы, — чеканя каждое слово, произнесла она. — Когда твой отец рухнул под грузом обвинений, а наш особняк начали вывозить по частям судебные приставы, я заглянула в старые папки в отцовском кабинете. Там не было компромата на твой бизнес, зато были вырезки из газет двадцатилетней давности и... кое-что еще. Фотографии с места той самой аварии, где отчетливо виден автомобиль твоего дяди

Тахира, стоящий на обочине за несколько минут до столкновения. Так кто здесь на самом деле лжет, Эмир? Твой обожаемый дядя, который сейчас с улыбкой пожимает тебе руки на советах директоров, или мой отец, сделанный козлом отпущения в вашей семейной бойне?

Эмир замер. На долю секунды в его темно-серых глазах промелькнула буря из самых противоречивых эмоций: шок, недоверие, ярость и внезапное осознание чудовищной ловушки, в которой они оба оказались заперты много лет назад. Его рука медленно соскользнула со спинки стула. Мужчина отступил на шаг назад, словно получив физический удар.

— Не произноси его имя в этом доме, — процедил Эмир сквозь зубы, отводя взгляд в сторону темного окна. В его голосе прорезались нотки глухой, выстраданной боли, которую он так тщательно прятал за маской циничного тирана. — Ты понятия не имеешь, в какой паутине мы все запутались, Мира. Тахир — не просто дядя. Он — архитектор разрушения наших семей. И если ты думаешь, что твои тайные раскопки в прошлом помогут тебе выйти сухой из воды, ты глубоко заблуждаешься. Игра, которую ты пытаешься начать, стоит тебе жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.